

INSTITUTE OF WORLD HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
KALUGA REGION GOVERNMENT
KALUGA STATE UNIVERSITY NAMED AFTER K. E. TSIOLKOVSKY

**ON THE WAY TO THE STATES
OF MODERN PERIOD:
WEST AND EAST OF EUROPE
IN LATE 15TH – 17TH CENTURY**

MOSCOW; KALUGA
2020

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ПРАВИТЕЛЬСТВО КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

**НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВАМ
НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ЗАПАД И ВОСТОК ЕВРОПЫ
В КОНЦЕ XV – XVII ВЕКЕ**

МОСКВА; КАЛУГА
2020

УДК 94
ББК 63.3
Н 12

Ответственные редакторы:

И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров, член-корр. РАН

Редакционная коллегия:

А. С. Аникеев, Д. В. Зайцева (отв. секр.), Д. Ю. Зубов, М. А. Казак, И. Г. Коновалова,
А. А. Майзлиш (отв. секр.), С. К. Цатурова

Рецензенты:

А. А. Горский, доктор исторических наук;
С. Г. Кцоева, доктор исторических наук

Издание осуществлено в рамках реализации проекта
«Международная конференция “Вызов времени: становление централизованных
государств на Востоке и на Западе Европы в конце XV—XVII вв.
(элиты, двор, город, церковь)”»

Н 12 **На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы
в конце XV—XVII веке** / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров,
П. Ю. Уваров. — Калуга: Калужский государственный институт развития
образования, 2020. — 784 с.

На рубеже Средневековья и раннего Нового времени страны Восточной, Центральной и Западной Европы при всех различиях пройденного исторического пути, государственно-политических и культурных традиций оказались в принципиально схожих условиях. Быстрые изменения внешнеполитических обстоятельств, «военная революция», глубокие конфессиональные конфликты, рождение Мир-системы Нового времени — все это приводило к радикальным переменам в постоянно расширявшейся сфере взаимодействия центральной власти и традиционных местных институтов. Синхронный подход к изучению разных регионов Европы, постоянно контактировавших друг с другом, открывает перед исследователями новые, в том числе историко-сравнительные, познавательные перспективы.

At the turn of the Middle Ages and the Early Modern period the states of Eastern, Central and Western Europe, despite all the differences of their historical development, political, institutional and cultural traditions, were in very similar conditions. The rapid changes of foreign-policy situation, “the military revolution”, confessional conflicts, and the arrival of the world-system of the Modern period — all these factors led to radical changes in the sphere of interaction of central authority and traditional local institutions. Simultaneous study of different regions of Europe which were in constant contact provides new research opportunities for scholars, especially comparative ones.

ISBN 978-5-905374-76-0

© Коллектив авторов, 2020
© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2020
© Калужский государственный институт развития образования, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

На пути к синхронизации истории Западной и Восточной Европы, или Особенности «калужского стиля»	11
A Way to Synchronise the History of Western and Eastern Europe, or Some Features of the “Kaluga Style”.	15

I. ОБРАЗ СТРАНЫ, ОБРАЗ ВЛАСТИ

<i>Конколевски И.</i> Между суверенитетом и государственным союзом. О мифах возрождения «тела» государства в европейской политической культуре.	19
<i>Ивонин Ю. Е.</i> Священная Римская империя в раннее Новое время: Между универсализмом и территориализмом	36
<i>Méresse M.-H.</i> Princes' Cruelty and the Reason of State at the End of the Middle Ages.	43
<i>Чернов С. З.</i> Кризис Халкидонской антропологии в XV в. и формирование Русского национального государства: краткое изложение концепции.	60
<i>Дубровский И. В.</i> Дмитрий Донской и черти. К истории устной культуры Московского царства.	90
<i>Лавров А. С.</i> «Имеют они, великие государи наши, яничеров добрых и ученых...» (петровские потешные в статейном списке К. Христофорова и Д. Шустова)	106
<i>Бойцов М. А.</i> Гробница императора как опора династии.	119
<i>Пчелов Е. В.</i> Реальная и воображаемая геральдика Русского государства в процессе его становления: взгляд из Европы	141
<i>Володихин Д. М.</i> Московский копейный «ездец»: рождение и распространение символа (на нумизматическом материале)	150
<i>Лоцилова Т. Н., Носова Е. С.</i> Королевские инсигнии на медалях последних Валуа и первых Бурбонов.	160

II. МОНАРХ, ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

<i>Беляев М. П.</i> Органы государственного управления Бранденбурга-Пруссии в XVI—XVII вв.	171
<i>Цатурова С. К.</i> Прелюдия к абсолютизму: переписка Людовика XI с верховными ведомствами короны Франции	198

<i>Тюменцев И. О.</i> Думные и военно-административные чины государева двора в междоусобице 1610–1613 гг.: судьбы московских и выборных дворян	221
<i>Эскин Ю. М.</i> Неизвестный боярин. О князе И. Н. Хованском	242
<i>Пименова Л. А.</i> История становления французского государства: взгляд юристов XVIII в.	252
<i>Новохатко О. В.</i> Частная переписка служилых людей по отечеству как часть государственного администрирования в России XVII—начала XVIII в.	266
<i>Гордиенко Д. О.</i> «Британский гарнизон»: гвардия Стюартов в XVII в. — от «привратного войска» к полевой гвардии	294
<i>Калашикова А. А.</i> Русские судебные документы XV—первой половины XVI в. как источник по истории правоприменения	316
<i>Королева М. В.</i> Присяга как инструмент политики и идеологии в России XVII в.	344

III. МОНАРХ И ЦЕРКОВЬ, ЦЕРКОВЬ И ВЕРА

<i>Санжаров В. А.</i> Проблема переноса столицы христианского мира: политико-географические критерии выбора Авиньонских пап и процесс локализации властных структур церкви	369
<i>Тарасов А. Е.</i> К вопросу об участии светской власти в рукоположении архиереев в конце XV—XVII в.	390
<i>Кошелева О. Е.</i> Россия и ее церковь под пером русских «редакторов» Космографии Меркатора.	401
<i>Berntson M.</i> The Early Reformation in Sweden and the Force of the Tradition	417
<i>Genet J.-P.</i> State and Symbolic Power: the Role of Clergy in the Governance of France and England (1429–1547)	427
<i>Носов А. В.</i> К вопросу о посещении свт. Филиппа (Колычева) Малютой Скуратовым в 1569 г.	455
<i>Патков А. И.</i> Восстановление церковной структуры на южной окраине России после окончания Смутного времени	460
<i>Белякова Е. В.</i> Юстинианова «симфония властей» в русской публицистике XIV–XVII вв.	484
<i>Алексеев А. И.</i> О Новгородском розыске 1487–1490-х гг.	509

<i>Уваров П. Ю.</i> «Королевское суперинтенданство над всею Галликанской церковью». Об одном малоизвестном проекте времен Генриха II (1556).	531
--	-----

IV. ГОРОД И ГОРОЖАНЕ, ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНЫЕ ЗЕМЛИ

<i>Бельцер А. А.</i> «Витязь на распутье?»: монархия первых Тюдоров и англо-шотландское пограничье	555
<i>Лисейцев Д. В.</i> Экономическое состояние Калуги в первой половине XVII в.	570
<i>Толстикова А. В.</i> Межа как политическая граница? (Об одном аспекте эволюции понятия государственной границы в России)	599
<i>Шеков А. В.</i> Об одной королевской грамоте 1510 г. в связи с историей политической иммиграции в Московское государство	618
<i>Brunet S.</i> Calvinistic Consistories and Municipalities at the Beginning of the Wars of Religion (1559–1562): an Explanation of the Famous “Reformed Crescent” of Southern France	638
<i>Пугач И. В.</i> Финансовая политика и денежное обращение на Русском Севере в XVII в. (по материалам сметных списков городов Новгородской четверти)	661
<i>Рустемайер А.</i> Регулирование ношения оружия, социальные иерархии и представления о порядке в Московском государстве во второй половине XVII в.	676
<i>Мининков Н. А.</i> В поисках концепции происхождения донского казачества: от разноплеменных разбойников до промыслово-трудового элемента русского народа и наемного войска московского торгового капитала	695
<i>Гуслистова А. Н., Грязнов А. Л.</i> Семейная торговая компания вологжан Фроловых в XVII–XVIII вв.	718
<i>Беляков А. В.</i> Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII вв.	738
<i>Анисимова А. А.</i> Судьбы английских монастырских городов после Диссолюции	760
<i>Майзлиш А. А.</i> Городские сообщества позднесредневековой Южной Фландрии: типология и границы	771
Список принятых сокращений	783

Emperor's Tomb as a Dynasty Cornerstone

М. А. Бойцов¹

(Россия)

Ключевые слова: Габсбурги, Фридрих III, Максимилиан I, собор св. Стефана, императорская гробница, династическое сознание, Священная Римская империя, гуманисты.

Аннотация. В статье прослеживаются изменения в концепции погребения Фридриха III, первого императора из династии Габсбургов, на протяжении примерно полувека (1463–1517 гг.), пока велись работы по созданию его гробницы — сначала под руководством самого Фридриха III, а затем его сына, Максимилиана I.

Keywords: The Habsburgs, Frederick III, Maximilian I, St. Stephen's cathedral, Emperor's tomb, dynastic consciousness, the Holy Roman empire, humanists.

Abstract. The article traces changes in the concept of the burial of Frederick III, the first emperor from the Habsburg dynasty, for about half a century (1463–1517), while work was underway to create his tomb — under the direction of Frederick III himself and after his death under the supervision of his son, Maximilian I.

На вызовы времени каждый правитель реагирует по-своему (если, конечно, он в состоянии их улавливать), порой даже изо всех сил пытаясь им противодействовать. Последнее приводит обычно к тяжелым последствиям, что, впрочем, выясняется не всегда еще при жизни могущественного упрянца. Невосприимчивость к вызовам времени (или к тому, что историки позже назовут таковыми) присуща правителям прошлого никак не в меньшей мере, чем нынешним. Стоит признать, что порой она приводила к впечатляющим, хотя и недолговечным результатам. Так, Габсбурги сумели создать одну из самых больших империй в истории человечества в эпоху, которую историки обычно считают периодом зарождения национальных государств, вроде бы уже приходящих

¹ Бойцов Михаил Анатольевич (Boytsov Mikhail) — доктор исторических наук, профессор, декан факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (РФ, Москва).

на смену одряхлевшим империям. Создается впечатление, что у членов швабско-австрийской династии был подлинный талант противостоять «вызовам времени» — что в большом, что в малом, двигаясь нередко в направлении, противоположном вектору «общественного прогресса» (опять-таки как он виделся позднейшим историкам, естественно склонным преувеличивать глубину собственного понимания как прошлого, так и настоящего).

Мало популярный у современников (а у историков до самого недавнего времени и еще менее) император Фридрих III Габсбург (годы жизни 1415–1493) оказывается при ближайшем рассмотрении ближе к представлению о правителе Нового времени, нежели его сын и наследник Максимилиан I (1459–1519). Если Фридрих предпочитал руководить Священной Римской империей из постоянной резиденции, то Максимилиан вернется к образу жизни странствующего государя, безостановочно разъезжающего по своим владениям и пытающегося присутствовать везде лично. Фридрих считался до смешного скаредным: на всем экономил, не устраивал больших празднеств, не строил новых дворцов и не ремонтировал обветшавших, копил деньги, старался поменьше воевать, предпочитал выглядеть скрягой, нежели воином. В своем отношении к финансам он был «современен» — в той мере, в какой можно быть таковым еще до выстраивания эффективных налоговых систем, резко изменивших стилистику княжеской власти. Максимилиан по контрасту — вполне возможно, сознательно — воплощал все рыцарские идеалы сразу: был воинственен и куртуазен, аристократичен и полон великих замыслов, великодушен и щедр (когда позволяли финансовые обстоятельства). Правда, и попытку ввести новаторский имперский налог он тоже предпринял, но как раз в этом-то начинании большого успеха не имел. Историки, ослепленные новыми, ренессансными, чертами личности, интересов и стиля правления Максимилиана, обычно не склонны замечать архаичности многих его жизненных установок. Конечно, турниры с его участием были донельзя красочны, но ведь на рубеже XV и XVI в. рыцарские турниры вряд ли стоит относить к числу особенно перспективных социальных и культурных практик...

Как глубину различий между отцом и сыном, так и разницу в их восприятии императорского сана, да и жизни вообще, можно

выявить, обратившись к одному, не самому банальному, источнику — гробнице Фридриха III в венском кафедральном соборе св. Стефана и к тому, как эволюционировали концепция и структура этого монументального сооружения — самого большого и впечатляющего из всех надгробий государей Священной Римской империи. К тому же место упокоения Фридриха III оказалось единственной императорской гробницей, сохранившейся не разоренной, разграбленной или перестроенной вплоть до сегодняшнего дня. Первая попытка узнать, действительно ли в ней заключены останки Фридриха III или же она всего лишь кенотаф, была предпринята в марте 1969 г. [6, S. 23–24; 10a-b]. Тогда историки заглянули внутрь монумента через проделанное отверстие с чайное блюдце диаметром и убедились, что в глубине и впрямь лежит царственный мертвец. Почти полвека спустя, в ноябре 2013 г., вновь открыв то же самое отверстие, историкам удалось провести подробное «эндоскопическое» обследование содержимого погребальной камеры, ничего в ней не нарушая. [30, S. 23–41]. Результаты этого исследования были преданы огласке лишь в 2019 г., после всестороннего изучения фотографий из гробницы, и вызвали подлинный ажиотаж в мировых СМИ — как самых солидных, так и бульварных.

Созданием собственной гробницы император Фридрих III озаботился за тридцать лет до своей кончины. Еще в 1463 г. он пытался договориться о выполнении некоего заказа (подробности в дошедшем документе не раскрываются) с прославленным скульптором Никласом Герхертом из Лейдена, работавшим тогда в Страсбурге. [9, S. 352; 22, S. 152] В 1467 г. скульптор получил аванс — притом именно за изготовление императорского надгробия, а казна в том же году приобрела в каменоломнях Халляйна под Зальцбургом плиту редкостного качества. Камень был необычайно большим (сейчас, после обработки, его размеры составляют 299×165,7×64,5 см), тяжелым (более 8 тонн) и дорогим (его оценивали в 1100 гульденов) [21, S. 310; 22, S. 153–154]. Герхерту предстояло работать над ним до самой своей смерти в 1473 г.

Первоначально местом своего последнего упокоения император намечал центральную апсиду храма цистерцианского Нового монастыря в Винер Нойштадте, где уже обрели вечный покой трое его детей, скончавшихся во младенчестве. В сентябре

1467 г. к ним присоединилась и их мать—императрица Элеонора Португальская (1436–1467). Выходит, Фридрих III выбрал для себя модель семейного погребения, но не родового—в том смысле, что не пожелал покоиться рядом с кем-либо из предков. Его отец—герцог Эрнст Железный (1377–1424)—лежал тоже в цистерцианском монастыре, но другом—Райне в Штирии (сегодня считающемся самой древней из сохранившихся обителей этого ордена) [21, S. 312–313]. Отказавшись от «топографической» преемственности, Фридрих III все же сохранил некоторую преемственность «институциональную», доверив, как и отец, заботы о душах своей малой семьи именно цистерцианцам. Он основал для них, невзирая на немалые трудности, новый монастырь—прямо посреди Винер Нойштадта [16, 86–95; 102–106]. Кроме того, замысел изображения на надгробии Фридриха в самых общих чертах следовал оформлению могильной плиты герцога Эрнста, хотя контраст в масштабности и качестве художественного исполнения очевиден любому.

Итак, в изначальном замысле погребения ясно подчеркивалась «мысль малосемейная» с совсем легким поклоном в сторону отца. Слабость сделанного на нем акцента объяснить легко: Фридрих III намного перерос герцогский титул Эрнста Железного, отчего подчеркивать ему следовало не родовую преемственность, а собственную индивидуальную исключительность. В его исходной концепции погребения улавливаются и две другие, в некотором смысле противоположные, идеи. С одной стороны, Фридрих демонстрировал (тем же образом, как и его отец) истинно христианское смирение, выбрав обитель аскетических цистерцианцев, но с другой, он же выражал и истинно императорское величие, назначив для погребения алтарную часть,—т.е. самое привилегированное место в храме, задав небывалые размеры и качество заготовленной плиты, и, конечно, пригласив наилучшего из возможных мастеров для ее украшения [16, S. 217–262; 17, S. 325–350; 20, S. 5; 21, S. 310].

Все перипетии эволюции концепции погребения на протяжении последовавших нескольких десятилетий не поддаются точному выяснению, тем более что как письменные и изобразительные источники, так и конструктивные детали памятника допускают неоднозначные толкования. Тем не менее, можно

осторожно предположить, что изначально огромная намогильная плита с вырезанным на ней изображением должна была лежать на уровне пола, «работая» тем самым на идею смирения [21, S. 313, 319]. Несколько позже плиту, видимо, решили поднять на невысокую тумбу [23, S. 443–444]. Однако, возможно, тумба рассматривалась как сугубо временное решение, и уже при ее устройстве предполагалось сделать для императора полномасштабную погребальную камеру над поверхностью земли, верх которой и будет составлять резная плита знаменитого мастера. В недавней литературе высказывалось, впрочем, и мнение, что именно таким мог быть и изначальный замысел заказчика, но доказать это при нынешнем состоянии источниковой базы невозможно [19, S. 50–51]. Устройство надземной погребальной камеры предполагало, естественно, что все четыре ее боковые стороны следует украсить барельефами, а раз так, то потребовалось соответствующим образом декорировать и каменную конструкцию, в которую барельефы монтировались, и парапет вокруг гробницы. Тем самым большие скульптурные и строительные работы затянулись на долгие годы.

В итоге общая композиция получилась несравненно величественнее изначальной и от идеи смирения весьма далекой. Правда, вместе с тем возникло и одно существенное неудобство. Работа Никласа Герхерта оказалась поднята так высоко, что с уровня человеческого роста ее, в отличие от боковых барельефов, невозможно не только рассмотреть, но даже увидеть. Строители постарались исправить положение, спрятав за надгробием каменную лесенку, но и она оказалась не лучшим решением. Поднявшемуся по ней рельеф виден только под острым углом и частично, а чтобы составить о нем полное представление, приходится медленно передвигаться по балюстраде вдоль всего периметра гробницы—с риском упасть с приличной высоты либо в одну, либо в другую сторону. Никлас Герхерт явно рассчитывал на другое восприятие своего произведения.

«Расшифровке» семиотически весьма насыщенного изображения, созданного Никласом Герхертом, посвящена обширная литература. Ось этой сложной композиции составляет фигура самого императора длиной в 180 см (а с короной 212 см), вырезанная из твердой известковой породы (нередко называвшейся

«аднетским мрамором») не только с несравненным искусством, но и с редкостной смелостью: глубина рельефа в некоторых местах составляет 40 см при толщине плиты в 65 см. Обсуждать идеологические или художественные аспекты этой выдающейся работы здесь нет никакой возможности — она заслуживает отдельной большой публикации. Зато после недавнего «лапароскопического» изучения содержимого погребальной камеры появилась возможность узнать кое-что совсем новое об идеологических поисках заказчиков при подготовке последней обители Фридриха III.

Впрочем, существенные перемены в концепции погребения начались еще при жизни императора. О том, в каком месте Никлас Герхерт работал над рельефом, специалисты спорят, называя то Винер Нойштадт, то Зальцбург, то Пассау, то Вену. Во всяком случае сохранилось свидетельство, что спустя шесть лет после кончины скульптора созданную им плиту привезли в Винер Нойштадт по суше из Вены, причем в Вену ее доставили по Дунаю, но вот откуда, остается неясным. Так же неясно, было ли это странствие первым в истории памятника: может быть, когда-то плиту зачем-то вывезли не из Пассау, Зальцбурга или иного места, а именно из Винер Нойштадта и вот, наконец, вернули назад [19, S. 48–50]. Как бы то ни было, за несколько месяцев до собственной смерти император по неизвестным причинам распорядился снова перевезти ее — теперь из Винер Нойштадта в Вену, что и было сделано в июле 1493 г. [9, S. 354–355]. Смена места погребения с «семейного» цистерцианского монастыря на столичный собор сама по себе весьма многозначительна. К этому времени, видимо, должны были уже быть готовы и массивные рельефы на боковых сторонах надгробия, но о перевозке их в Вену сведений не сохранилось. Они и сегодня прославляют благочестивые деяния Фридриха — основание им епископств в Лайбахе (Любляне) и Винер Нойштадте, четырех монастырей и канониката, а также комменды Ордена св. Георгия, — служа тем самым наглядным призывом клиру молиться за душу столь благочестивого государя. Из восьми рельефов шесть посвящены инициативам Фридриха III в Винер Нойштадте и ни одного — его деяниям в Вене. Между тем по меньшей мере усилия императора в деле создания в Вене епископства и, соответственно, превращения

храма св. Стефана в кафедральный собор несомненно заслуживали бы увековечения, если погребение императора в этом храме было бы запланировано сколько-нибудь заранее и если бы рельефы заказывались с расчетом на венский храм [19, S. 44, 51].

В любом случае незаметно никаких споров среди придворных о том, куда именно везти из последней резиденции Фридриха III в Линце забальзамированное тело императора после его кончины 19 августа 1493 г. Не дожидаясь каких бы то ни было указаний сына и наследника — Максимилиана I — осиротевшие приближенные погрузили покойного на барку, направившуюся вниз по Дунаю — в Вену. Там на пристани гроб торжественно встретили и доставили в траурной процессии в храм св. Стефана, — туда же, куда еще в июле привезли надгробный камень, сработанный Никласом Герхартом. Гроб поставили в склеп австрийских герцогов, устроенный в крипте собора еще Рудольфом IV (1339–1365), где, судя по всему, он и простоял вплоть до самого перемещения тела в 1513 г. в новую гробницу, возведенную в южной апсиде алтарной части собора [2, S. 281–306]. Лишь совсем короткое время — вероятно несколько дней — перед торжественным перезахоронением мертвец, видимо, провел в так называемой капелле Тирна (при входе в собор сразу налево) [27, fol. 17]. Вероятно, именно там его переложили в новый гроб и украсили сохранившимися до сегодняшнего дня инсигниями.

Траурные торжества в 1493 г. долго откладывались из-за вынужденного отсутствия Максимилиана: ему нужно было отражать очередное вторжение турок. В конце концов, они все же состоялись — но не на «тридцатый день», как тогда было принято, а лишь в начале декабря. Их описаний сохранилось необычно много, чему способствовало применение нового инструмента коммуникации — печатного станка. Первой «имперской церемонией», по поводу которой выходили печатные известия, стало избрание Максимилиана I королем Римским в 1486 г. Однако по числу известных сегодня инкунабул торжества 1493 г. его существенно превзошли. Сразу после прибытия останков Фридриха III из Линца перед его гробом, поставленном посреди собора, провели поминальную службу, но затем, как уже было сказано, тело убрали в склеп, и все церемонии в декабре 1493 г. разворачивались уже перед пышным «псевдогробом», укрытом сенью

с горящими свечами, установленным посреди просторной алтарной части храма [1, с. 254–289; 2, S. 281–306; 3, S. 59–81].

Одна из самых трудных задач, вставших перед исследователями фотографий из гробницы Фридриха III, состояла в том, чтобы определить, на каком этапе многолетней истории ее возведения в ней появились те или иные предметы. Были ли, скажем, корона, держава, скипетр и меч инсигниями, использовавшимися Фридрихом III еще при жизни, изготовили ли их специально для демонстрации во время погребальных служб 1493 г. или же только для торжественного перезахоронения в 1513 г.? Относительно короны, державы и скипетра специалисты сейчас уверенно говорят о последнем варианте, но вот двуручный меч с позолоченной рукоятью в истлевших кожаных ножнах возможно был сделан еще до 1493 г. [11, S. 173–197].

Если сталь меча за прошедшие века окислилась и разрушилась, то остальные инсигнии выглядят как новые. Точно то же относится и к позолоченным металлическим литым табличкам, украшенным надписями, выполненными уже не готическим шрифтом, а одним из ранних гуманистических [12, S. 89–118; 13, S. 165–166]. Они прислонены к продольным (северной и южной) стенкам погребальной камеры по обе стороны от гроба Фридриха III, собранного из керамических плит, покрытых зеленой глазурью. Аналогов ему неизвестно, но глина, из которой была сделана керамика, происходит, похоже, из окрестностей Вены [30, S. 36]. В многочисленных описаниях похоронных торжеств 1493 г. ни о каких табличках с надписями не упоминается. Первое свидетельство о них появляется в показаниях венского епископа Урбана Загштеттера (1529–1573), которые он давал по требованию двора в 1564 г. Хотя сам епископ родиться опоздал, но зато слышал от старших, что в 1513 г. вместе с телом императора в гробницу положили и какую-то металлическую плакетку, на которой что-то было написано, но что именно, неизвестно («...einer tafl von mettall mit schriften, deren ich khain wissen haben mugen») [27, fol. 22v].

Содержательнее свидетельство врача, императорского советника и ректора Венского университета Иоганна Куспиниана (1473–1529). Хотя и оно опубликовано спустя немало времени после события — в сочинении, законченном в 1528 г., а напечатанном только в 1540 г., — автору можно доверять куда больше, чем

Загштеттеру. Ведь знаменитый гуманист не только присутствовал при перенесении тела Фридриха III в ноябре 1513 г., но даже произнес тогда речь, которую, похоже, счел весьма удавшейся. Как пишет Куспиниан, в гробницу от имени Максимилиана (сам государь приехать тогда в Вену не смог) положили две медных позолоченных таблички, на которых были написаны годы жизни и правления Фридриха III, а также титулы его владений — «королевств и провинций» («Sunt autem duae aeneae tabulae deauratae a Maximiliano in id sepulchrum locatae, quibus continentur anni uitae et gubernationis Friderici, cum titulis regnorum et prouinciarum [...]») [5, p. DCXXII].

Сообщение Куспиниана подтверждается письмом другого медика и гуманиста — Георга Танштеттера (1482–1535) — его другу, опять-таки медику и тоже гуманисту, Иоахиму Вадиану (1484–1551). В нем Танштеттер сообщает, что Максимилиан уже в течение некоторого времени сердит на своего наместника Лоренца Заурера (организовывавшего, помимо много иного, торжественное перезахоронение Фридриха III в 1513 г.) за ту надпись, которую положили в гробницу покойному императору. Она якобы слишком раболепно сформулирована (qui litteras illas adulationis gratia confecisset). Когда же Максимилиан напрямую заговорил об этом с Заурером, тот, дескать, переложил всю вину на сочинителя надписи (который одновременно являлся и адресатом письма), т.е. на Вадиана [24, S. 135–137, Nr. 2].

Хотя послание датировано только днем — 16 марта — без указания года, трудно сомневаться в том, что написано оно было в 1514 г. И так, плакетки, виденные Куспинианом, были изготовлены без участия Максимилиана под руководством наместника Заурера, а текст для них сочинил Вадиан. Правда, ничего особенно угодливого Куспиниан в содержании надписей не запомнил — он пишет лишь о перечислении лет правления и титулов.

Вновь речь о позолоченных табличках заводит сам Максимилиан, причем спустя три с лишним года. В письме от 23 августа 1517 г., адресованном неизвестному, которым, скорее всего, являлся всё тот же наместник Заурер, государь вспоминает о своем повелении отлить из «латуни» (Messing) «две таблички с надписями» (zwo taffeln mit geschriften) и полностью позолотить их (all zu vergulden). Теперь же он получил не то чертежи, не то модели

этих табличек и остался ими вполне доволен. [25, S, 70, Nr. 433; 10b, S. 44]. Очевидно, речь здесь идет о двух *новых* надписях, изготовление которых на этот раз Максимилиан решил проконтролировать — на предмет то ли возможного избытка лести в них, то ли содержания в целом.

Металлические плакетки с надписями были обнаружены уже при первом проникновении в гробницу в 1969 г., а в 2013 г. их удалось сфотографировать, хотя и не полностью. Всего плакеток оказалось четыре. Одну — самую маленькую, размерами 47×5 см — даже получилось вытащить через отверстие, изучить и потом вернуть на место [13, S. 159; 29, S. 425]. Текст ее легок для понимания и был полностью прочитан еще в 1969 г.: «PERFECTVM EST HOC MONVMENTVM ANNODOMINI M D XVII» [6, S. 23; 10a, S. 502]. Итак, никакого идеологического содержания табличка не содержит, но сообщает нам весьма существенное обстоятельство: работы над «монументом» продолжались еще три года после перезахоронения Фридриха III в 1513 г. Строительство каменной ограды-балюстрады вокруг гробницы должно быть отнесено (наряду еще с какими-то возможными работами) именно к этому промежутку времени.

Куда интереснее содержание трех других металлических табличек. Две из них парные — большие и очень близкие по размеру (примерно полметра на метр) — оказались приставлены симметрично к южной и северной стенкам погребальной камеры, надписями внутрь — в сторону гроба, но при этом перевернуты так, словно читатель будет смотреть на них сверху — как бы сквозь надгробную плиту Никласа Герхерта. Третьей — намного меньшей (примерно четверть метра на полметра) — нашлось место у северной стенки. Несколько странно, что она припаяна к боковой стороне первой большой таблички. Ко второй из них, с другой стороны от гроба, была припаяна та самая маленькая плакетка с годом, но сделали это небрежно, отчего она отвалилась, вероятно, когда ее потревожили в 1969 г. Текст на меньшей табличке с северной стороны повернут не вверх, а вбок — так что воображаемый читатель должен смотреть от западной стороны гробницы, от головы мертвеца. Расположение текста одной таблички под прямым углом к тексту другой вызвано, надо полагать, лишь тем, что длинная сторона меньшей такая же, как и узкая сторона

большой (примерно по полметра), а потому соединить их было удобно, естественно, сторонами одинаковой длины.

Визуальный осмотр позволяет уверенно предполагать, что все надписи были изготовлены в одной и той же мастерской по одной и той же технологии. Естественно напрашивается предположение, что мастерскую эту следует искать в инсбрукском Арсенале (Zeughaus), где уже выполнялись похожие заказы [9, S. 364].

Меньшая (полуметровая в ширину) табличка оказалась дальше всего от отверстия, через которое проводилось обследование, и на фотографиях поэтому различимы лишь начальные слова строк. Их, однако, хватило для выяснения, что надпись давно и хорошо известна: современники ее когда-то списали и потом воспроизводили в различных эпитафических собраниях. Самое известное повторение можно было прочитать тут же, в соборе: неподалеку от гробницы висела выполненная из дерева примерно в 1540 г. эпитафия Фридриха III. (Она пропала в 1945 г., но перед тем ее успели неоднократно описать и сфотографировать.) Теперь мы узнали, что ее текст был воспроизведением двух табличек, положенных по левую руку покойного императора. Надпись на первой позолоченной дощечке — той что меньше — точно соответствует описанию Куспиниана — она перечисляет годы и титулы: «NIC · FRIDERICVS · III · IMP(ERATOR) · AVG(VSTVS) NASCI(TVR) · ANNO · SALVTIS · NOSTRE · M · CCCCXV / ELIGITVR · IN · REGEM · ROMAN(ORVM) · ANNO · / M · CCCC · XL · CORONATVR · IN · AVGV(STVM) · AC · IMPERATOREM · ANNO · M · CCCC · LI · / O(BIIT) · AVGVSTI · XIX · DIE · M · CCCCXXXIII · AETATIS · / SVE · LXXVIII · IMPER(II) VERO · LIII · MEN(SI) III · / D(IE) · III · EIVS · CORPVS · IN · HOC · SAXVM · / RECONDITVR · AC · TRANSFERTVR · / ANN(O) · SAL(VTIS) · M · D · XIII · DIE · VII / NOVEMBRIS» [13, S. 163]. Перевод: «Сей Фридрих III, император август, родился в год нашего спасения 1415, был избран королем Римским в 1440 году, коронован императором августом в 1451 году, скончался в 19-й день августа 1493, 78-ми лет отроду, пробыв у власти 53 года, 4 месяца и 4 дня. Тело его было погребено и перенесено в сию каменную гробницу в год спасения 1513, в 7-й день ноября». В приведенных здесь подсчетах не все гладко, а день перезахоронения указан вовсе ошибочно: скорее всего, мастер, получив задание от заказчика

не очень тщательно написанным на листе бумаги, принял, как нередко бывало, рукописное X за V, отчего у него получилось VII вместо XII.

Тип такой надписи хорошо известен археологам и историкам: перед нами аутентика — табличка, положенная в гроб для идентификации мертвеца. Таблички такого рода изготавливались из различных материалов: глины, керамики, дерева или металла (особенно свинца) и могли выглядеть по-разному [15, S. 167–211]. Когда еще в XVIII в. провели первые исследования герцогских погребений в монастыре Кёнигсфельден и соборе св. Стефана, идентифицирующие таблички сразу же были обнаружены, что позволило определить, кому именно из дома Габсбургов принадлежали те или иные найденные останки [18, S. 176–197]. Правда, крестообразная форма аутентик, найденных в герцогской усыпальнице в венском соборе, была необычной и превращала простую надпись как бы в дополнительный инструмент спасения. Аутентика же в гробнице Фридриха III выполнена по другой модели — на первый взгляд, менее изысканной (в виде традиционного прямоугольника, а не новаторского креста), но в действительности более амбициозной. Ее создатели подражали стилю погребения не покойных герцогов, а римских императоров (как они его себе представляли). Именно в эту сторону указывают и выбор «вечного» материала, и позолота, и ренессансный (т.е. классицистический) маюскул надписи.

Само собой напрашивается предположение, что перед нами одна из двух табличек, виденных Куспинианом в 1513 г. В ее тексте, однако, не найти ничего такого, что могло бы неприятно поразить Максимилиана низкопоклонством. Следовательно, что бы ни понимать под угодливостью сочинителя, она должна была выразиться в какой-то иной надписи.

Метровая табличка, к которой припаяли «простую» аутентiku, не только раза в два больше по размерам, но и содержит куда более длинную и пышную надпись. На фотографии видна опять-таки только ее часть — последние строки, — однако и эта надпись легко поддается реконструкции благодаря упоминавшейся деревянной эпитафии середины XVI в. и другим воспроизведениям. Приведем здесь только перевод: «Император, цезарь, божественный Фридрих третий, благочестивый благоденствующий август, верховный

государь христианского мира (CRISTIANITATIS · SVPREMVS · PRINCEPS), король Венгрии, Далмации, Хорватии и прочая, эрцгерцог Австрии, герцог Штирии, Каринтии и Крайны, граф и князь в Габсбурге и Тироле, ландграф в Эльзасе, князь Швабии, маркграф Области над Энсом и Бургау, граф Пфирта и в Кибурге, государь Виндской марки и Порденоне и прочая, богобоязнейший государь, мудро и умеренно правил пятьдесят три года Священной Римской империей самым справедливым и добродетельным образом и соединил сына своего, славнейшего императора Максимилиана, законным браком (LEGITIMO · THOROCOPVLAVIT) с сиятельнейшей госпожой Марией, единственной дочерью и наследницей божественного и могущественнейшего герцога Карла Бургундского и прочая, благодаря каковому счастливейшему брачному союзу все герцогства, княжества, маркграфства, графства и владения, коими указанный герцог Карл владел на суше и на море (TERRA · MARIQVE · POSSEDDIT), присоединились на вечном наследственном праве к счастливому Австрийскому дому (FELICI · DOMVI · AVSTRIAE · HEREDITARIO · IVRE · PERPETVO · ACCESSERVNT), и кои император Максимилиан отстоял вооруженной рукой и мечом (POTENTI · MANV · ET · GLADIO · CONSERVAVIT). После же того как сей Фридрих, совершив сии и многие иные доблестные императорские дела, уплатил дань природе, должным образом состоялись торжественнейшие и славнейшие погребальные службы (CELEBERRIMIS · AC · FAMOSISSIMIS · EXEQVIIS · DEVOTE · CELEBRATIS), и он был упокоен в сем роскошном памятнике (IN · HOC · PRECIOSO · MONUMENTO · RECONDITVS · EST)» [13, S. 162].

В 1969 г. исследователи предположили, что эта табличка одна из тех двух, о которых свидетельствует Куспиниан [6, S. 23]. Однако тогда чем объяснить выбор совсем иного формата, нежели у припаянной «парной», о которой шла речь выше? К тому же длинная надпись не вполне подходит под простое перечисление «годов и титулов»: титулов в ней, действительно, немало, но имеется и много иного. Из этого «иного» на первом месте оказывается удачная женитьба сына и наследника, принесшая дому Габсбургов Бургундию — правда, далеко не целиком, как пытается внушить нам автор надписи, а лишь частично. Если главное деяние Фридриха III, согласно этому тексту, состоит в устройстве

удачного брака его сыну, то у Максимилиана I заслуг больше: он отстоял вооруженной рукой новоприобретенные бургундские владения «на суше и на море», сам стал императором (в 1508 г., правда, отказавшись от коронации в Риме) и еще почтил покойного отца славнейшими траурными торжествами и «роскошным памятником». Вместо обычной аутентики перед нами скорее манифест, который к тому же вряд ли особенно понравился бы самому покойному. Основное содержание его долгого и мудрого правления состоит, оказывается, в создании предпосылки для перехода Бургундии к «счастливому Австрийскому дому».

Прочитаем теперь вторую табличку такого же крупного размера, прислоненную напротив первой — у южной стены камеры, по правую руку мертвеца. Ее текст виден примерно на три четверти, причем лакуны легко восстанавливаются, — во-первых, поскольку они концентрируются прежде всего в титулатуре, а во-вторых, потому что один северогерманский гуманист, литератор и лютеранский богослов, а заодно ценитель эпиграфики Натан Коххаф (Хитреус) (1543–1598) опубликовал эту редкую надпись (единым куском вместе с двумя другими, известными по деревянной эпитафии) в 1594 г. [4, р. 373–375]. Правда, поместил он ее в аугсбургский раздел своей книги (*Augustana*), а не в венский (*Viennensia*), сразу после эпитафии в Аугсбургском соборе над погребением останков императора Оттона III (980–1002), сочиненной в 1513 г. гуманистом Конрадом Пейтингером (1465–1547). Коххаф прекрасно знал, в каком месте погребен Фридрих III, но связал надпись не с местом ее применения, а с тем, где он познакомился с ее списком, — а именно *in aedibus Essenbergerinis* — т.е. в доме аугсбургских купцов Эггенбергеров [8, S. 30–34; 24, S. 223–225]. Дом этот построили в 1510 г. два брата — Кристоф и Бальтазар Эггенбергеры, у которых должны были иметься связи при венском дворе, поскольку их отец, Бальтазар-старший, десятилетиями вел доверительные денежные дела с Фридрихом III и некоторыми его придворными [14, S. 662].

Сравнение с обнаруженным оригиналом показывает, что список у Эггенбергеров был далеко не во всех деталях точным, но в целом верно передавал надпись. (Зато текст аутентики он воспроизводил даже лучше, чем деревянная эпитафия.) Разительное отличие в распространенности списков надписей на двух

«симметричных» табличках само по себе заслуживало бы обсуждения. Если текст первой воспроизводился многократно, то надпись на второй попала в поле зрения историка-коллекционера лишь однажды, да и то, похоже, скорее случайно. Сыграло ли тут решающую роль лишь то обстоятельство, что первая надпись была процитирована на деревянной эпитафии, доступной всеобщему обозрению? Или же все дело в политическом содержании второй надписи, которая не обязательно нуждалась в широкой огласке (а потому и на деревянной эпитафии ее не поместили)? Звучала она следующим образом:

«Император, цезарь, государь (*DOMINVS*) Максимилиан, благочестивый благоденствующий август, верховный государь христианского мира, король Германии, Венгрии, Далмации, Хорватии и Боснии, наследник Англии, Португалии и Богемии, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Лотарингии, Брабанта, Штирии, Каринтии, Крайны, Лимбурга, Люксембурга, Гельдерна, граф и князь в Габсбурге и Тироле, ландграф Эльзаса, князь и граф Бургундии, Фландрии, Гёрца, Артуа, Голландии и граф Зеландии, Пфирта, в Кибурге, Намюре, Зютфене, маркграф Области над Энсом и Бургау, Священной Римской империи правитель (*DOMINVS*) Фризии, Славянской марки, Мехельна, Порденоне и Салена и прочая, могущественнейший и победоноснейший.

Благодаря своей исключительной мудрости (*SVA · SINGVLARI · SAPENTIA*) и посредством договоров священного брака (*PER · SANCTI · CONNVBII · FOEDERA*), коими он соединил своего сына Филиппа, славнейшего короля, с Иоанной, королевой и наследницей Испаний, он славным образом приобрел на вечном наследственном праве своим светлейшим и возлюбленнейшим внукам Карлу, Фердинанду, Элеоноре, Изабелле, Марии и Катерине и их потомкам, эрцгерцогам Австрии и герцогам Бургундского дома, сии славнейшие королевства, а именно: Кастилию, Леон, Арагон, Обе Сицилии, Иерусалим, Гранаду, Наварру, Каталонию, Толедо, Галисию, Валенсию, Сардинию, Майорку, Минорку, Корсику, а также Острова Антиподов и прочая. Вследствие чего он так возвысил знаменитый Австрийский дом (*INCLITAM · DOMVM · AVSTRIAE*), что тот милостью наивысшего Бога до сих пор не имел никого равного себе в круге земель (*IN · ORBE · TERRARVM · HVCVSQVE · NVLLAM · PAREM · HABEAT*).

И сей роскошный памятник (HOC · PRECIOSVM · MONVMENTVM), начатый благочестивым императором Фридрихом, сей почтительнейший сын (IPSE · FILIVS · PIENTISSIMVS) позаботился довести до завершения и воздвигнуть (PERFICIENDVM · ET · ERIGENDVM · CVRAVIT). Да крепнут, усиливаются и процветают (VALEANT · VIGEANT · FLOREANT) веки счастливейшие имена блаженнейших императоров и королей Фридриха, Максимилиана и Филиппа! Аминь» [13, S. 160].

Общим для обеих надписей является не только «симметричное» упоминание в конце «роскошного памятника», для которого их изготовили, но и общий династический пафос, никак еще не улавливаемый в исходной концепции Фридриха III. Теперь же выходит, что это он заложил основу для взлета «Австрийского дома» выше всех других европейских династий, а мудрость его сына Максимилиана, продолжившего ту же «брачную политику», привела к тому, что чуть ли не вся Европа теперь должна окататься под властью Габсбургов. Да и не только Европа, но даже и некие «Острова Антиподов». Новых земель в южном полушарии испанские каравеллы тогда еще не открывали, так что автор мог здесь иметь в виду только Вест-Индию в полушарии западном. Вместо аутентики перед нами не то политический манифест, не то политическое завещание, не то историософская концепция движения истории как возвышения до мирового масштаба одного из аристократических семейств. То ли оно изначально к тому специально предназначалось, то ли добилось успеха благодаря особой одаренности двух его членов. Жаль, что такой выразительный манифест предназначался не для публичного оглашения, а для сокрытия во мраке гробницы. Нет никаких свидетельств того, что надписи предполагалось вывесить где-либо рядом с ней для всеобщего обозрения. Напротив, все известные источники недвусмысленно говорят, что место им было предназначено внутри погребения. Однако именно в таком сокрытии и заключается, видимо, смысл «манифеста»: он обращен не к современникам, да и не к потомкам тоже. Если читатели и появятся — то только в самом конце времен при драме завершения человеческой истории при раскрытии и зачтении книги судеб...

Ко времени составления этой надписи единственного законного сына Максимилиана I, герцога Бургундского, а также короля

Кастилии и Леона Филиппа Красивого (1478–1506), уже не было в живых, а его супруга Хуана Безумная (1479–1555) еще с 1509 г. томилась в заточении в Тордесильясском замке. Зато шестерым их сыновьям и дочерям предстоит выполнять предначертания их деда. Карл (1500–1558) станет императором и королем Испании, Фердинанд (1503–1564) — императором, королем Чехии и Венгрии, Элеонора (1498–1558) выйдет замуж в первый раз за короля Португалии, а во второй — за короля Франции, Изабеллу (1501–1526) еще в 1514 г. выдали замуж за короля Дании, Норвегии и Швеции, Марию (1505–1558) в 1515 г. — за короля Чехии и Венгрии, наконец, Катерина (1507–1578) станет женой короля Португалии. Однако в политической концепции Максимилиана все они, со всем их потомством от жен и мужей самых влиятельных семей Европы, должны были оставаться членами Австрийского дома — DOMVS AVSTRIAE — das Haus Österreich.

Является ли эта надпись той самой, что вызвала своим рабочим недовольством Максимилиана? Не похоже: она подходит по формату не к «простой» аутентике, а ко второй симметричной табличке. Между тем Куспиниан писал только о двух металлических досках, а не о трех, а Максимилиан в своем письме — еще о двух. В сумме должно быть четыре, но в гробнице их имеется только три, потому что плакетка с годом завершения работы не в счет — она даже внешне отличается оформлением от остальных [13, S. 166; 29, S. 424]. Ренате Коон решила эту загадку очень просто, отнеся все три таблички с прославлениями обоих императоров к 1517 г., предположив при этом, что Куспиниан в своих воспоминаниях совместил торжества 1513 г. (когда, как она считает, никаких табличек не было) и 1517 г., когда их было изготовлено сначала три, а потом еще одна — с указанием годом завершения работ [13, S. 167–168].

Загадка решается, видимо, с помощью еще одной надписи, опубликованной все тем же Куспинианом [5, р. DCXXI; 28, S. 371, 410]. Это двенадцать стихотворных строк, выдержанных в высоком гуманистическом стиле. Сначала восхваляется Фридрих III — за то, что мирно правил Римской державой (Romanum orbem <...> rex) в течение примерно 11 олимпиад, щедро одаривал церкви и устроил Золотой век (secla aurea). Поэтому теперь он со звездных небес может наблюдать за битвами, повержением его врагов

и тем, как к его титулам была добавлена «Бетика», — т. е. Испания. Начавшееся уже тут скрытое восхваление Максимилиана I переходит в прямую хвалу, обращенную к *Filius Augustus* — за возведение памятника отцу, сравниваемого с гробницей царя Мавсола и египетской пирамидой и оцениваемого столь же высоко, как и «opus Daedaleum» — Дедалово творение — т. е. критский Лабиринт. Несколько мотивов этой надписи — о мирном и долгом правлении Фридриха, о ценности приобретения Максимилианом «Бетики» и о его достижениях при создании гробницы отца — выражены, как мы убедились, и в текстах двух дошедших «больших» табличек, так что надпись про «Дедалово творение» вполне могла бы быть черновиком или, вернее, ранней редакцией заказного текста на определенную тему. Во второй же не только устранены Мавсол, пирамиды и Дедал (которые как раз и могли показаться Максимилиану проявлением излишней угодливости по отношению к нему), но и намного сильнее подчеркнута значимость приобретения испанских титулов. Позволительно заподозрить, что не античные Дедал с Мавсолом, а именно этот актуальный политический пункт мог послужить подлинной причиной недовольства Максимилиана ранней редакцией надписи.

Один известный австрийский историк-эрудит XVIII в. утверждал, что стихи про Мавсола и Дедала были начертаны на одной «из двух позолоченных в огне табличек» (*zwey in Feuer vergoldte Tafeln*), но откуда ему это стало известно? [7, S. 449]. Одно дело, если он просто неправильно понял известное нам объяснение стиха Куспинианом, но совсем другое, если располагал иным, нежели у того, списком с соответствующим комментарием... На пути к окончательному признанию надписи про «Дедалово творение» парной к сохранившейся плакетке 1513 г. видятся два препятствия. Первое состоит в том, что в стихах 12 строк, а в аутентике их только десять, причем в стихотворной строке больше знаков. Между тем от парных табличек естественно ожидать соблюдения одинаковых размеров и букв, и строк. Второе же состоит в том, что Куспиниан приписал стихи не Вадриану, а французскому гуманисту Людовику Хелиану (Луи Эльяну), посланнику короля Людовика XII при императорском дворе.

Даже при этих сомнительных обстоятельствах правильнее было бы иначе, чем Р. Коон, представлять себе историю

позолоченных табличек, а заодно и этапы появления их у гроба покойного. Куспиниан ничего не перепутал: во время траурных торжеств 1513 г. в гробницу действительно положили две таблички сходных размеров — примерно по полметра в ширину. Одна — это дошедшая до нас аутентика, вторая же — та, чья надпись вызвала обвинения в лъстивости и вероятно была весьма похожа на дошедшую под авторством Людовика Хелиана. Познакомившись с их текстами слишком поздно, уже после закрытия гробницы, недовольный Максимилиан заказал две новые — в два раза большие по размеру (и соответственно более тяжелые), с более пространными и патетическими надписями. В 1517 г. гробницу снова открыли, видимо, в ходе очередного траурного торжества, о котором не сохранилось никаких свидетельств, и вытащили оттуда обе таблички. Первую (аутентичную) припаяли к новой большой (метровой) табличке, в которой говорилось о Фридрихе как устроителе бургундского брака его сына, и так их обе вместе задвинули в глубь камеры вдоль северной стены. Вторую — про Максимилиана — изъяли вовсе и на ее место поставили новую большую табличку с восхвалением его испанской политики, в последний момент еще наспех припаяв дополнительную пластинку с указанием года окончания работ. Припаявать таблички одну к другой догадались, чтобы их вместе было проще задвигать вглубь через узкую сторону камеры и чтобы они оставались там «в порядке» — ровно прислоненными под одним углом к стенке. При этом к северной стенке (по левую руку мертвеца) поставили тексты про Фридриха III, южная же с самого начала была зарезервирована для прославления его сына — создателя величественного и безумно дорогого «монумента».

Таким образом, выходит, что Максимилиан I занимался погребением отца едва ли не до конца собственного правления: он сам скончается в январе 1519 г. К этим работам государь привлек не только выдающихся скульпторов, но и известных литераторов-гуманистов. Создание погребального комплекса заняло тем самым почти полвека, за которые придворные вкусы все дальше эволюционировали от готики к ренессансу, что отразилось и в облике памятника. Важнее, однако, подчеркнуть то обстоятельство, что понимание императорской власти у Максимилиана I, видимо, было совсем другим, чем у его отца. К тому же он если

и не менял свои идеи радикально, то уточнял их и развивал, свидетельством чему являются все упоминавшиеся надписи — как оставленные им возле мертвеца, так и та, что была из гробницы изъята. Литераторы-гуманисты оформляли изящным слогом идеи государя, хотя их исполнение заказа могло в итоге заказчика и разочаровать. История создания гробницы в соборе св. Стефана по-прежнему полна неясностей, хотя сохранившиеся документы и в особенности данные проведенного «лапароскопического» обследования погребальной камеры позволили уточнить немало существенных деталей. В первую очередь стало куда яснее, чем ранее, до какой степени гробница Фридриха III превратилась в инструмент легитимации династии Габсбургов и их империи, и при этом совершенно в ином ключе, нежели замышлялось изначально. Если Фридрих III душой хотел пребывать с покойными детьми и женой, а его политический взор простирался не далее Ломбардского королевства (герб которого среди прочих вытесал мастер Герхерт), то мысли Максимилиана были всецело с его ветвящимся потомством, предназначенным стать первейшим семейством всего христианского мира, а острый взгляд его достигал Островов Антиподов.

Литература и источники

1. Погребение императора Фридриха III в 1493 г. / публ., пер. и комментарии М. А. Бойцова // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 254–288.
2. *Bojcov M. A.* Totenfeier für Kaiser Friedrich III.: Die Vorbereitungen des Veranstalters // König und Kanzlist, Kaiser und Papst. Friedrich III. und Enea Silvio Piccolomini in Wiener Neustadt / Hrsg. v. F. Fuchs, P.-J. Heinig, M. Wagendorfer. Wien; Köln; Weimar, 2013 (Forschungen zur Kaiser- und Papstgeschichte des Mittelalters. Beihefte zu J. F. Böhmer, Regesta Imperii, Bd. 32). S. 281–305.
3. *Bojcov M. A.* Ein Tod, drei Bestattungen und vier Exequien Friedrichs III. // In Hoc Precioso Monumento. Die Bestattung Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. F. Kirchweger, K. Schmitz-von Ledebur, H. Winter, F. Zehetner. Wien, 2019 (Schriften des Kunsthistorischen Museums. Bd. 20). S. 59–81.
4. *Chytraeus N.* Variorum In Evropa Itinervm Deliciae, Sev, Ex Variis Manuscriptis Selectiora Tantvm Inscriptionvm Maxime recentium Monvmenta Quibus passim in Italia Et Germania, Helvetia Et Bohemia, Dania Et

- Cimbria, Belgio Et Gallia, Anglia Et Polonia &c. Templa, Arae, Scholae, Bibliothecae ... conspicua sunt. Herbom, 1594.
5. *Cuspinianus J.* De Caesaribus atque imperatoribus romanis opus insigne. [S.l.], 1540.
 6. *Fliedler V., Loidl F.* Zum Friedrichs Grab im Stephansdom // Beiträge zur Wiener Diözesangeschichte. Jg. 10/ 3. 1969. S. 14–16.
 7. *Fuhrmann M.* Historische Beschreibung und kurz gefaßte Nachricht von der Römisch-Kaiserl. und Königlichen Residenzstadt Wien und Ihren Vorstädten. Bd. 3. Wien, 1770.
 8. *Heydendorff W. E.* Die Fürsten und Freiherren zu Eggenberg und ihre Vorfahren. Graz, 1965.
 9. *Hollegger M.* Zu gedechtnuß der gutigkait vnnsers gemuts gegen seiner lieb Maximilians I. ansehnliche begrebnuß für Friedrich III. als dynastisch und politisch funktionalisierte Memoria (?) // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 351–368.
 - 10a. *Joss J., Benna A. H.* Das Kaisergrab in St. Stephan: Kenotaph oder Grab Friedrichs III. — Zu den Untersuchungen im März 1969 // Wiener Geschichtsblätter. Jg. 24. 1969. S. 493–502.
 - 10b. *Joss J., Benna A. H.* Das Kaisergrab in St. Stephan: Kenotaph oder Grab Friedrichs III. — Zu den Untersuchungen im März 1969 // Wiener Geschichtsblätter. Jg. 25. 1970. S. 22–30, 43–51.
 11. *Kirchweger F.* «mit geburlicher andacht und zirlichait umbzulegen verordnet und bevolhen». Die Insignien im Hochgrab Kaiser Friedrichs III. // In Hoc Precioso Monumento. Die Bestattung Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. F. Kirchweger, K. Schmitz-von Ledebur, H. Winter, F. Zehetner. Wien, 2019 (Schriften des Kunsthistorischen Museums. Bd. 20). S. 173–197.
 12. *Koch W.* Die Frühhumanistische Kapitalis. Eine epigraphische Schrift zwischen Mittelalter und Neuzeit im Umfeld Kaiser Friedrichs III. // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. P. 89–118.
 13. *Kohn R.* «Valeant Vigeant Floreant Felicissima Nomina Friderici Maximiliani et Philippi Beatissimorum Imperatorum ac Regum in Aeternum». Die Inschriften im Hochgrab Kaiser Friedrichs III. // In Hoc Precioso Monumento. Die Bestattung Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. F. Kirchweger, K. Schmitz-von Ledebur, H. Winter, F. Zehetner. Wien, 2019 (Schriften des Kunsthistorischen Museums. Bd. 20). S. 157–171.
 14. *Krones F.v.* Eggenberg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 5. Leipzig, 1877. S. 662.

15. *Meier Th.* Die Archäologie des mittelalterlichen Königsgrabes im christlichen Europa. Stuttgart 2002 (Mittelalter-Forschungen, Bd. 8).
16. *Menke St.* Kayser Fridrichs loblich gedechtnus — Das Grablegeprojekt Kaiser Friedrichs III. für Wiener Neustadt. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades einer Doktorin der Philosophie. Osnabrück; Bamberg, 2011.
17. *Menke St.* ...quod Caesar sibi ad sepulturam extrui curaverat. Die Grablegepläne Friedrichs III. für Wiener Neustadt // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 325–350.
18. *Monumenta Augustae Domus Austriacae in quinque tomos divisa / Ed. M. Herrgott. T. 4. Pars 2: Taphographia Principum Austriae.* Sankt Blasien, 1722.
19. *Roller S.* Das Grabmal Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom // In Hoc Precioso Monomento. Die Bestattung Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. F. Kirchweyer, K. Schmitz-von Ledebur, H. Winter, F. Zehetner. Wien, 2019 (Schriften des Kunsthistorischen Museums. Bd. 20). S. 43–57.
20. *Schultes L.* Das Grabmal des Kaisers — eine Odyssee // Mitteilungen der Gesellschaft für vergleichenden Kunstforschung in Wien. Jg. 71. Nr. 1–2. 2019. S. 1–16.
21. *Schwarz M. V.* magnificentia — humilitas — new art. Thesen zum ursprünglichen Konzept von Grabmal und Grablege Friedrichs III. in Wiener Neustadt sowie zur Rolle von Niklas Gerhaert (mit einem Anhang über die Grabplatte der Beatrix Lopi) // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 309–324.
22. *Söding U.* Ettlich Grabstein. Die Grabdenkmäler für Kaiser Friedrich III. und Eleonore von Portugal // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 151–175.
23. *Stastny Ph.* Material und Technik. Neue Erkenntnisse zum Kaisergrabmal // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 427–451.
24. *Stetten P. v.* Geschichte der adelichen Geschlechter in der freyen Reichs-Stadt Augsburg. Augsburg, 1762.
25. *Urkunden und Regesten aus dem k. u. k. Haus-, Hof- und Staats-Archiv in Wien / Hrsg. v. H. Zimerman* Wien, 1883 (Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses 1/2).

26. *Die Vadianische Briefsammlung der Stadtbibliothek St. Gallen / Hrsg. v. E. Arbenz. Bd. 3. St. Gallen, 1897 (Mitteilungen zur vaterländischen Geschichte, Bd. 27).*
27. *Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Hofakten des Ministeriums des Inneren. Karton 4.*
28. *Zajic A. H.* Epigraphisch-antiquarischer Habitus und literarische Stilübung, oder: Wie gestaltet und beschreibt man ein Grabmal «humanistisch»? // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 369–417.
29. *Zehetner F.* Einblicke in das Innere des Friedrichsgrabes // Der Kaiser und sein Grabmal 1517–2017. Neue Forschungen zum Hochgrab Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. R. Kohn. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 419–426.
30. *Zehetner F.* Untersuchungen des Inneren des Friedrichsgrabes // In Hoc Precioso Monomento. Die Bestattung Kaiser Friedrichs III. im Wiener Stephansdom / Hrsg. v. F. Kirchweyer, K. Schmitz-von Ledebur, H. Winter, F. Zehetner. Wien, 2019 (Schriften des Kunsthistorischen Museums. Bd. 20). S. 23–41.

Реальная и воображаемая геральдика Русского государства в процессе его становления: взгляд из Европы *

Real and Imaginary Heraldry of the Russian State in the Process of its Formation: a View from Europe

Е. В. Пчелов¹
(Россия)

Ключевые слова: геральдика, Русь, Московия.

Аннотация. В статье анализируются несколько гербов в западноевропейских источниках XIII–XVI вв., служивших для обозначения Руси и Московии. Значительная их часть относится к воображаемой геральдике, но некоторые

¹ Пчелов Евгений Владимирович (Pchelov Evgeny) — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, РФ).

* Статья подготовлена в РГГУ в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSZG-2020-0019 (регистрационный номер АААА-А20-120070890028-5.

**НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВАМ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ЗАПАД И ВОСТОК ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV—XVII ВЕКЕ**

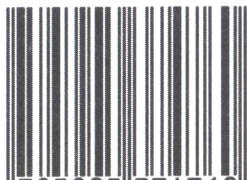
Зав. редакцией *Н. Г. Любомудрова*
Корректоры *Т. С. Кирина, Н. Э. Чикобава, Ю. В. Холопов*
Компьютерная верстка *С. И. Захаров*

Подписано в печать 22.11.2019. Формат 70×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 57,33 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. 18.

ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт развития образования»
248000, г. Калуга, ул. Гагарина, 1, стр. 1.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42–29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75.

ISBN 978-5-905374-76-0

9 785905 374760 >